

3. Барнс Дж. История мира в 10 ½ главах / пер. с англ. В. Бабкова. М., 2005.
4. Барнс Дж. По ту сторону Ла Манша / пер. с англ. И. Стам, И. Гуровой М., 2005.
5. Бочкарева Н. С. Функции живописного экфрасиса в романе Грегори Норминтона «Корабль дураков» // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 6. С. 81 – 92.
6. Геллер Л. М. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе. Труды Лозаннского симпозиума. М., 2002. С. 5 – 22.
7. Ионина Н. А., Кубеев М. Н. Гибель французского фрегата «Медуза». URL: http://wordweb.ru/sto_kat/55.htm (дата обращения: 05.09.2013).
8. Лессинг Г. Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии. М., 1957.
9. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1998.
10. Уайльд О. Упадок искусства лжи. URL: http://lib.ru/WILDE/esse_upadok.txt (дата обращения: 02.12.2013).
11. Успенский Б. А. Семиотика искусства М., 1995.
12. Фаулз Дж. Аристос / пер. с англ. В. Нугатова. М., 2004.
13. Фаулз Дж. Пять повестей / пер. с англ. И. Бессмертной и И. Гуровой. М., 2004.
14. Хетени Ж. Идея в образах, абстрактное в визуальном. Фигуры-образы Исаака Бабеля // Russian Literature. 1999. Vol. 45, №1. P. 75 – 85.
15. Яценко Е. В. «Любите живопись, поэты...»: Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопросы философии. 2011. №11. С. 47 – 57.
16. Wyatt A. S. Little Black Book of Stories. L., 2004.

Об авторе

Ольга Владимировна Лебедева — канд. филол. наук, доц., Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород.
E-mail: olgalebedeva79@mail.ru

About the author

Dr Olga Lebedeva, Associate Professor, Yaroslav the Wise Novgorod State University, Novgorod.
E-mail: olgalebedeva79@mail.ru

УДК 82.091

Чжао Сюе

КИТАЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННУЮ РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

На основании анализа механизмов рецепции современной русской литературы в китайском литературоведении автор доказывает, что в сознании китайского читателя присутствует установка на понимание текста в ракурсе актуальной для Китая социокультурной проблемы сохранения традиции. Эта установка определяет интерпретацию и оценку новой деревенской прозы, женской прозы, постмодернистской литературы. Методологическую базу исследования составили положе-

ния сравнительного литературоведения, теории коммуникации, рецептивной эстетики, отдельные идеи М.М. Бахтина. В качестве материала использованы научные статьи, монографии, диссертации китайских авторов, опубликованные в 2000-е гг.

Through analysing the mechanisms of reception of modern Russian literature in Chinese literary criticism, the author shows that a Chinese reader has a predisposition to understand texts in the context of the urgent national problem of preserving traditions. This predisposition affects the interpretation and perception of new rustic prose, female prose, and postmodernist literature. The study's methodological framework combines the principles of comparative literary studies, communication theory, and receptive aesthetics with certain ideas of M. M. Bakhtin. The work is based on research articles, monographs, and theses of Chinese authors, published in the 2000s.

Ключевые слова: рецепция, межкультурная коммуникация, интерпретация, рецептивные установки, читатель, Китай, современная русская литература, традиция и современность.

Key words: reception, cross-cultural communication, interpretation, receptive presuppositions, reader, China, modern Russian literature, tradition and modernity.

На сегодняшний день в представлении о китайском читателе, об особенностях рецепции современной русской литературы в Китае обозначилась лакуна. Между тем этот вопрос актуален как в свете изучения межкультурной коммуникации России и Китая, так и в перспективе создания обобщенного портрета китайского читателя, понимания его рецептивной ситуации. Объектом внимания в данной статье является зафиксированный в научных текстах опыт восприятия современной русской литературы китайским профессиональным читателем.

Мы полагаем, что актуальный социокультурный контекст определяет ракурс интерпретации и оценки текста. По мысли Ю.А. Говорухиной, еще до момента осознанного пребывания в статусе субъекта интерпретационной деятельности профессиональный читатель может быть рассмотрен в ситуации «коммуникативного контекста», описание которого необходимо вести в двух плоскостях: «первая охватывает совокупность пред-посылок, пред-рассудков, присущих субъекту коммуникативной деятельности; вторая касается особенностей рецептивной ситуации определенного историко-культурного периода. В этом контексте выделяются осознаваемые и неосознаваемые предпосылки будущей собственно интерпретационной и текстопорождающей деятельности» [2, с. 198].

Методологические основы изучения литературной рецепции в аспекте межкультурного диалога оформились в рамках сравнительного литературоведения. В нашей работе помимо базовых посылок этого направления мы опираемся на концепцию диалога М.М. Бахтина и его понимание диалогичности не только как открытости к общению, но и как способности вызывать отклик на высказывания и действия. Осознание двойной направленности диалога, по нашему мнению, должно

стать одной из гносеологических основ для исследователя рецепции русской литературы в Китае. Также важными представляются теоретические / методологические установки изучения рецепции инокультурных текстов, возникшие в рамках теории коммуникации. В социально-семиотическом смысле коммуникация — процесс образования знаков и значений, их восприятия и понимания. Мы учитываем мысль рецептивистов о том, что литературное произведение «возникает» только в процессе «встречи» с читателем, и этот процесс зависит от «горизонта ожидания» реципиента; данный подход помогает увидеть текст как динамичную систему потенций смыслов. Добавим, что процесс понимания инокультурного текста — это всегда и процесс самопонимания [1].

С начала 1980-х гг. одной из центральных проблем китайского общественного сознания стала проблема взаимодействия традиции и современности. Этот вопрос, тесно связанный с процессом модернизации китайского общества, имеет экономический, политический, социальный, эстетический аспекты. Новую актуальность данной проблематике придал XXI в. В научных дискуссиях последнего времени она кристаллизовалась в следующие основные вопросы.

1. *Место традиции в ситуации модернизации китайского общества.* Феномен традиции в сознании китайских ученых обладает двояким смыслом: это и традиция как культурный код, основа национальной самоидентичности, и традиция как то историческое прошлое, в котором современный Китай видит тормоз в развитии.

2. *Поиск продуктивных путей / форм присутствия / вхождения / преобразования традиции в современный культурный контекст.*

Материал научных исследований (в том числе литературоведческих), посвященных проблеме традиции и современности, позволяет реконструировать ряд важных рецептивных установок, которые определяют интерпретацию и оценку современной русской литературы в Китае:

— понимание традиции как культурного кода нации, условия сохранения национальной идентичности в современной ситуации глобализации;

— понимание традиции как подвижного, открытого феномена, способного обновляться;

— установка на поиск продуктивных форм вхождения традиции в современную плюральную культуру / современную литературу;

— понимание ценности деревни / родного края как способа сохранения традиции и необходимого выбора в процессе модернизации;

— установка на осмысление чужого (не)продуктивного опыта диалога с традицией в перспективе применения в китайском культурном поле.

Актуальность данных рецептивных установок доказывают многочисленные примеры интерпретации современных русских произведений, в которых обнаруживается «след» классики.

Китайские русисты фиксируют *тематическую преемственность* с классикой в современной русской литературе. Так, Чжао Ян объясняет высокую важность вопросов морали в русской деревенской прозе прямым влиянием русской классики, творчества Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого [23, с. 43]. Такой опыт актуализации классических вечных вопросов Чжао Ян считает достойным подражания. Тематическое сходство с русской классикой китайские ученые отмечают и в «литературе самоанализа» [22, с. 85]¹.

Другой «след» русской классики, обнаруживаемый китайскими русистами в современной русской прозе, — *преемственность на уровне персонажей* и способов их создания. Так, Дуань Лицзюнь говорит об актуальности образа «маленького человека» в современной русской прозе [6, с. 92]. Отдельным объектом изучения в этом контексте становится историко-литературная типичность женских образов [5, с. 69].

Важнейшим же фактом преемственности китайские русисты считают *традицию реализма как эстетической парадигмы*.

Присутствие реалистической литературной ветви в современной русской прозе китайские ученые расценивают как знак продуктивного обращения к классике, признак жизнеспособности русской литературы. Так, Чжан Цзяньхуа отмечает, что современная «реалистическая литература стала памятью русской литературной классики для некоторых русских писателей и критиков. Такое сохранение является отстаиванием в русской литературе основных идей и художественных элементов, имеющих глубокую национальную культурную базу» [21, с. 11, см. также 18].

Другая установка (понимание традиции как подвижного, открытого феномена, способного обновляться) проявляется в суждении Ван Шуфу о том, что современная русская реалистическая литература сохраняет внутреннее ядро традиционного реализма и одновременно соединяет частные элементы различных литературных направлений [4, с. 38]. Присутствие реалистической традиции в современной русской литературе обнаруживается на нравственно-содержательном уровне, в то время как художественные приемы и формы проявления традиции изменяются. В частности, Чжан Цзяньхуа видит преемственность в нарративном типе реалистического письма: в акценте на описании внутренних чувств-рефлексий; в использовании «национального культурного повествования», при котором русское общество и человек показываются через призму национальной души; в прямом, правдивом, натуралистичном изображении повседневного мира с его страданиями, пошлостью, безобразием и т. д. [18, с. 36–37].

Преемственность традиции наиболее полно прослеживается, по мнению китайских русистов, в явлении русской «деревенской» прозы. Подавляющее число статей и монографий рассматриваемого ряда по-

¹ Перевод научных источников с китайского языка здесь и далее выполнен нами. — Ч.С.

священо произведениям, написанным в период ее расцвета. Чжао Ян утверждает, что понимание природы у современных деревенских писателей наследовало пантеизм русской литературной традиции [23, с. 49]. Так, Сунь Юйхуа, Ван Лидань и Лю Хун отмечают «след» Ф.М. Достоевского, И. Бунина и М. Шолохова в произведениях В. Распутина [13, с. 53].

Актуальным контекстом рецепции прозы В. Распутина 1990-х гг. в Китае является проблема сохранения культурной идентичности в эпоху плюральности. Этот контекст определил внимание китайского читателя к националистическим суждениям Распутина. В монографии «Изучение творчества Распутина» звучит мысль о том, что В. Распутин — националист, для которого русская культура выше других [13, с. 116]. Для авторов это признак настоящего патриота, поэтому некоторые его радикальные высказывания воспринимаются ими как продуктивные. Чжао Ян выражает другую позицию: некоторые произведения Распутина, такие как «Живи и помни» и «Дочь Ивана, мать Ивана», уже потеряли ценность «деревенского сознания», они демонстрируют склонность к этатизму и единовластию великодержавного шовинизма [23, с. 155]. С еще большей жесткостью критикует культурный национализм Распутина Чжан Цзяньхуа [19, с. 41]. Полярные оценки объясняются противоположностью установок, входящих в рецептивное поле китайского читателя: открытость плюральному, с одной стороны, и обеспокоенность утратой национального — с другой.

Большинство китайских ученых видят в произведениях Распутина призыв к православию как способу сохранения традиционной культуры [12, с. 26]. Религиозная тематика в новейших произведениях писателя расценивается критикой Китая как факт преемственности культурой традиции.

Изучение современной русской деревенской прозы имеет и прагматическую цель. Чужое осмысление актуальных для современного Китая проблем, связанных с прогрессом, позволяет отрефлексировать собственный культурный материал. По мнению Чжао Яна, изучение деревенского и национального сознания «способствует нашему лучшему пониманию националистических чувств в современной китайской культуре, чтобы избавиться от возникновения узкой националистической концепции, от размывания национальной культурной традиции» [23, с. 44].

Традиция как своего рода пресуппозиция играет в сознании китайского читателя роль критерия: новейшие литературные факты интерпретируются и оцениваются как (не)продуктивные, (не)значительные отклонения от нее (традиции).

С оглядкой на классику интерпретируется / оценивается современная нереалистическая русская проза. Нередко разрыв с традицией видится как поражение, ошибка, опасная тенденция. Так, Ли Синьмэй фиксирует, что литература теряет свою миссию, контролируется «игровым духом», в экспериментальной практике почти исчезают литера-

турная красота и поэтичность [10, с. 14]. По мнению Чжана Цзяньхуа, «умножение и вариация безграничной культурной плюральности привели к кризису традиционной культуры, культурная элита стала маргинальной» [20, с. 109].

Китайские ученые в основном не склонны оценивать русскую постмодернистскую литературу как антитрадиционную, явление постмодернизма видится ими как основанное на русской литературной традиции. Например, У Цзэлин отмечает, что «критическая реалистическая литература XIX в., литература Серебряного века и советская соцреалистическая литература совместно создают русскую литературную традицию, они являются литературной базой русской постмодернистской литературы» [14, с. 52]. Чжао Ян считает, что литература русского постмодерна внутренне связана с национальной культурной традицией. В этом плане она противоречит принципу антитрадиции, свойственному западному постмодернистскому течению [24, с. 143]. Также нередко китайские ученые представляют сущность литературы русского постмодернизма в единстве противоположностей: преемственности и деконструкции традиции [9, с. 109; 16, с. 209]. В такой двойной ориентации Чжао Ян видит значимый феномен, отличающий русскую постмодернистскую литературу от западной [24, с. 147].

Так или иначе китайский читатель воспринимает русскую литературу в контексте проблемы традиции и находит в русских постмодернистских текстах ее следы. Ученые Китая уверены: начиная с 1990-х гг. русские постмодернистские писатели постепенно возвращаются к национальным культурным основам. Примером тому, как считает Ван Сянь, может являться «Желтая стрела» В. Пелевина, в которой ученый видит возвращение к пониманию «литературы как человекознания» [3]. По мнению Лю Тао, Пелевин наследует у русской реалистической литературы ее осознание своего общественного назначения, поиск истины, развернутость к жестокой реальности, заботу о будущем человечества [11, с. 41].

Русский опыт диалогового взаимодействия с классикой в ситуации постмодерна представляется китайскому читателю важным, доказывающим жизнеспособность и силу традиции и демонстрирующим продуктивный путь взаимодействия с ней. Удачное соединение первого и второго китайские русисты видят, например, в творчестве В. Маканина [8, с. 71; 17, с. 36; 16, с. 162].

Итак, анализ китайского прочтения современной русской литературы убеждает в том, что проблема традиции и современности, актуальная для современного Китая, переживающего «страх влияния» и размывания национальной идентичности в поликультурном мире, порождает рецептивные установки, определяющие ракурс интерпретации и оценки современной русской литературы. Китайскому читателю свойственно вычитывать «следы» традиции / классики, оценивать текст с точки зрения присутствия / отсутствия в нем знаков преемственности, воспринимать чужой опыт диалога с традицией с позиции его (не)продуктивности для китайской литературы.

Список литературы

1. *Говорухина Ю.А.* Русская литературная критика на рубеже XX—XXI веков : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2010.
2. *Говорухина Ю.А.* Структура литературно-критической деятельности // Критика и семиотика. 2009. № 13. С. 192—203.
3. *Ван Сянь.* В. Пелевин в Китае и влияние русской литературы после 1990-х годов на Китай : магистерская диссертация. Гуйчжоу, 2009.
4. *Ван Шуфу.* Современный русский реализм // Русская литература и искусство. 2011. № 1. С. 29—38.
5. *Дуань Лицзюнь.* Образ «сумасшедшей» в современной русской феминистской прозе // Нанкаинские общественные науки. 2005. № 2. С. 66—71.
6. *Дуань Лицзюнь.* Чистый и святой «маленький человек»: особенности творчества Л. Улицкой // Современная зарубежная литература. 2001. № 4. С. 91—96.
7. *Жэнь Гуансюань.* Появился новый Распутин: обзор творчества Распутина за последние годы // Русская литература и искусство. 2000. № 1. С. 24—45.
8. *Ли Дунмэй.* Владимир Маканин и его «Старики и Белый дом» // Филология. 2008. № 13. С. 69—71.
9. *Ли Синьмэй.* Переворот и преемственность: русская классическая литература XIX века в контексте постмодернизма // Русская литература и искусство. 2012. № 1. С. 104—110.
10. *Ли Синьмэй.* Поэтическая специфика современной русской постмодернистской литературы // Русская литература и искусство. 2008. № 2. С. 9—14.
11. *Лю Тао.* Символический мир в романе «Желтая стрела» В. Пелевина // Русская литература и искусство. 2008. № 2. С. 38—41.
12. *Минь Цзин.* Религиозное сознание искупления в сборнике рассказов В. Распутина «Видение» : магистерская диссертация. Хух-Хото, 2013.
13. *Сунь Юйхуа, Ван Лидань, Лю Хун.* Изучение творчества Распутина. Пекин, 2009.
14. *У Цзэлинь.* Русская постмодернистская литература и русская национальная культурная традиция // Критика зарубежной литературы. 2004. № 3. С. 50—56.
15. *Хоу Вэйхун.* Изучение современной русской прозы. Пекин, 2013.
16. *Чжан Мэй.* Изучение русского национального духа в современной русской литературе (на материале постмодернистских текстов) : дис. ... д-ра филол. наук. Харбин, 2015.
17. *Чжан Синли.* Творчество В. Маканина в контексте постмодернизма: на следование и развитие русской литературной традиции : магистерская диссертация. Шэньян, 2011.
18. *Чжан Цзяньхуа.* Интеграция русской литературы с мировой литературой // Зарубежная литература. 2014. № 2. С. 30—39.
19. *Чжан Цзяньхуа.* Культурная ориентация и ценностная потеря в прозе «поиска корней» Распутина // Русская литература и искусство. 2008. № 4. С. 34—41.
20. *Чжан Цзяньхуа.* Речевое изменение постсоветской культуры и литературы // Вестник Института иностранных языков Народно-освободительной армии. 2008. № 1. С. 105—110.
21. *Чжан Цзяньхуа.* Сохранить классику: русская реалистическая литература в постсоветский период // Русская литература и искусство. 2011. № 1. С. 11—19.
22. *Чжан Цзяньхуа.* Феномены генерализации в русской прозе конца века: русская проза 90-х годов XX века // Современная зарубежная литература. 2001. № 4. С. 84—90.

23. Чжао Ян. Деревенское сознание и национальность в современной русской литературе (на примере творчества В. Распутина). Нанкин, 2014.

24. Чжао Ян. Реконструкция национальной культуры в русской постмодернистской литературе // Современная зарубежная литература. 2012. № 1. С. 142–148.

Об авторе

Чжао Сюе – асп., Сибирский федеральный университет, Красноярск.
E-mail: zhaoxue1207@gmail.com

About the author

Zhao Xue, PhD student, Siberian Federal University, Krasnoyarsk.
E-mail: zhaoxue1207@gmail.com